

18+

Людмила Волынская

*Дважды
войдя
в одну воду*

Людмила Волынская

Дважды войдя в одну воду

«Издательские решения»

Волынская Л.

Дважды войдя в одну воду / Л. Волынская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-555649-3

Едва успев окончить школу, Андрей столкнулся с непредвиденной проблемой будущего отцовства. Став случайным свидетелем разговора отца с неизвестной женщиной, он узнает о ранее скрываемых взаимоотношениях в семье. Рассчитывая на поддержку отца, Андрей по его просьбе знакомится со старшей сестрой своей матери. Это-то знакомство неожиданно и сыграло важную роль в устройстве его будущей семейной жизни.

ISBN 978-5-00-555649-3

© Волынская Л.
© Издательские решения

Содержание

ДВАЖДЫ ВОЙДЯ В ОДНУ ВОДУ	6
1	7
2	10
3	12
4	14
5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дважды войдя в одну воду

Людмила Волынская

© Людмила Волынская, 2021

ISBN 978-5-0055-5649-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДВАЖДЫ ВОЙДЯ В ОДНУ ВОДУ

Все события и персонажи вымышлены.
Все совпадения случайны.

1

Упершись спиной в стену больничного коридора, Светка понуро опустила голову. Так жалко выглядела она сейчас в синем полинялом халатике с хвостиком собранных на затылке огненно-рыжих волос.

Запах медикаментов, приглушенные голоса, тихие шаги запахнутых в больничные халаты и в собственные тревоги женщин – все это разом на фоне брызжущего весельем лета отдавало казенщиной, навевающей такую тоску, что выть хотелось. Даже не верилось, что еще вчера в клубе она вместе с друзьями, которые звали ее Рыжей Кошкой, выводила своим худеньким телом немислимые буги-вуги. Вчера она была Рыжей Кошкой, независимой и строптивой, с копной непослушных волос, с неизменными в любое время года конопушками на вздернутом носике, в зеленом топе и потертых бедровках, с множеством браслетов на запястье. Вчера было весело. Вчера у нее была еще детская жизнь. Сегодня судьба перекинула ее во взрослую жизнь, будто с одной стороны улицы на другую, резко, безо всякого перехода. Был, правда, у Светки маленький переход. Но, во-первых, появился он не так давно, во-вторых, до сего дня он был неощутимый и незаметный, вроде подземного. Поэтому Светка могла себе позволить еще оставаться в детской жизни, на той стороне улицы, где было комфортно и привычно. И рассчитывала она пробыть там еще месяцев пять-шесть, чтобы свыкнуться с мыслью, что рано или поздно ей придется перейти на другую сторону. А вот как все получилось.

Дуся, Светкина мать, вытирая платком покрасневшие от слез глаза, время от времени с упреком поглядывала на дочь. Она только что вышла из ординаторской, где молоденькая докторица с важным видом маститого эскулапа объявила ей, что она в скором времени может стать бабушкой, если дочь ее впредь будет осмотрительнее. Что слова?.. Уже сам вид этой врачихи был живой насмешкой над ней, несчастной матерью-одиночкой, вырастившей на свою голову эту кикимору. Сама родила ее в шестнадцать, и этой столько же. Проклятье какое-то, что ли? Какая из нее бабка в тридцать три года? Она, можно сказать, только-только сама из гнезда вылетела, куда все шестнадцать лет кормежку таскала, надеясь, что из дочери что-нибудь путное получится, и можно будет, наконец, со спокойной совестью заняться своей личной жизнью. Она только-только скинула из себя лягушачью кожу в виде опостылевшего за много лет имени. Взяв первые буквы своего полного имени Евдокия, она стала теперь Евой вместо Дуси. Во всяком случае, именно так она представлялась теперь новым знакомым в ресторане, куда недавно устроилась официанткой. Мечта, а не работа. Вкальвала, правда, как ломовая лошадь, но ей к такой работе было не привыкать. Зато и деньги появились, и ухажеры. Хоть Дуся на мужиков и не падкая была, но один все же запал ей в душу. Такого и не захочешь, заметишь. Уж больно красив был. И на нее глаз положил. Положил, Дуся это сходу просекала. Думала, Светка подросла, можно свою жизнь устроить. И вот, на тебе. Не успела она еще толком в образ войти, как это известие о Светкиной беременности на корню срубило все ее мечты. Дуся опять всхлипнула в платок, но, видя, что от дочери слова не дождется, начала первая:

– Что молчишь? – буравя Светку стальным укором, с опаской произнесла она. – Мать на работу, а ты и рада стараться? Где башка твоя дырявая была? Мало я в нее вдалбливала, что от этих гулянок ничего, кроме дерьма не дождешься?

Видя, что дочь снова отгородилась от нее своим ослиным упрямством, Дуся вскипела от обиды.

– Кошка она, видите ли... Курица ты глупая, и мозги у тебя куриные! Чего ты молчала, чего ждала, я спрашиваю? И аборт не сделаешь, поздно уже, – всхлипнула она в платок.

Видя, что Светку не прошибешь никакими словами, она лишь вздохнула.

– Кто отец-то хоть, знаешь?

Светка шмыгнула носом и отвернулась.

– Андрей, – коротко ответила она, да и то еле слышно.

Дуся нахмурилась. Час от часу не легче.

– Суслик, что ли? – настороженно спросила она.

Светка кивнула.

– И что он? – неопределенно спросила Дуся, так как и сама толком не знала, чего ожидать от этого пацана. – Это же умудриться надо – среди пятисот тысяч городского населения выбрать для своего ребенка именно такого папашу! – нервно хмыкнула она, хлопнув ладонями по коленям.

Но эти слова, похоже, задели Светку куда больше оскорблений матери.

– У меня вообще никакого не было, – отрезала она, снова потупив взор.

Дуся вскипела.

– Это ты мне?.. Это ты мне такое говоришь?! – тыча себя пальцем в грудь, вытянула она по-гусиному шею. – Я тебе сотни раз говорила, что зарезали твоего отца. В поезде зарезали, когда из заработков возвращался. И деньги украли, которые на свадьбу вез. И фотографию показывала, – вдруг, что-то сообразив, она сменила тон: – А на что это ты намекаешь? Думаешь, как я, одиночкой? Запомни, я твоего Суслика из-под земли достану! И посажу за совращение малолеток!

– Мне со вчерашнего дня шестнадцать, – попыталась вставить Светка. Зря попыталась.

– А вот это вот! – тыча пальцем в Светкин живот, взвизгнула от негодования Дуся. – Это он тебе уже сегодня сделал, а?! Ничего, я на него управу найду, и стервь эту, мамашу его, заставлю на тебе жениться!

От возбуждения она перепутала, кто на ком должен жениться. Но сейчас это меньше всего волновало и ее, и Светку.

Старые жильцы коммуналки до сих пор помнили, как Светкина мать Дуся Нечаева и мать Андрея Маша Суслина когда-то враждовали между собой, что твои Монтекки и Капулетти. Яблоком раздора между ними стал Суслик старший. Началось все с того, что из соседней комнаты в коммуналке Суслиха, как поговаривали соседи, выжила старшую сестру, рассчитывая таким образом расширить свою жилплощадь. То история отдельная, и долго еще смаковали бы ее жильцы, не случись тотчас после нее другая, затмившая собой первую. Вместо ожидаемого расширения жилплощади в качестве новой соседки семейство Суслиных получило языкастую задиристую Дуську Нечаеву. И все бы ничего, если бы в придачу к своему характеру молодая соседка не обладала завидной внешностью и игривым нравом, на которые вполне мог клюнуть Суслик старший. Почуввав опасность, Суслиха развернула в дебрях коммуналки партизанское движение, вследствие чего в скором времени ни для кого из соседей не было секретом, что якобы существующий Дуськин муж был плодом ее собственного воображения, а попросту – чистым враньем. Когда слух об этом дошел до Дуськи, та, с малых лет наученная детдомовской жизнью, врзала Суслихе прямо при всех на нейтральной территории – общей кухне (рассаднике тараканов, сплетен и прочей заразы), чтобы та не совала нос в чужие дела. Результатом этой перепалки стали затянувшиеся испорченные отношения не только между ними, но и между остальными жильцами, ставшими на защиту враждующих сторон. Много воды утекло с тех пор, откровенная вражда между ними сначала сменилась мелкими пакостями, а потом и вовсе сошла на нет. Теперь они воспринимали друг друга, как неотъемлемый атрибут своей жизни – вроде тараканов, сплетен и прочей заразы. Да и поумнели обе, во всяком случае, настолько, чтобы оставить в покое пестрое прошлое, больше заботясь о том, чего ожидать в обозримом будущем. Дети-то подрастали, а на его туманном небосклоне ни у той, ни у другой не спешила вырисовываться хоть какая-нибудь надежда на улучшение жилищных условий. Лишь подряхлевший Суслик старший нет-нет да и напоминал обеим о пережитом позоре. Поэтому не было ничего удивительного в том, что перспектива такого родства могла привидеться обеим женщинам разве что в ночных кошмарах.

Неизвестно, до чего бы договорилась Светкина мать, если бы из ординаторской не вышла та самая «врачиха».

– Женщина, что же вы до сих пор дочь в коридоре держите? – подходя к ним, с упреком произнесла она. – Раньше надо было выяснять отношения. А сейчас ей покой нужен и постельный режим.

Взяв Светку под руку, она повела ее в палату.

Светка покорно пошла за ней, молча кивнув матери на прощанье.

Дуся посмотрела вслед дочери, и сердце заняло от жалости.

– Доченька, я тебе соки и фрукты принесу, – крикнула она вдогонку, но Светка уже скрылась за дверью.

«Какая из нее мать?» – вздохнула Дуся, зная, как нелегка материнская ноша, под которую поспешило подставить свои неокрепшие плечи ее неразумное чадо.

Понемногу растрепанные Дусины чувства стали укладываться в определенные целенаправленные мысли. Нет нужды уточнять, против кого они были направлены. Переведя взгляд на часы, Дуся прикинула, что до начала работы еще вполне успеет заскочить домой, чтобы отыгаться на ненавистном Суслике, так вероломно искалечившем жизнь дочери, да и порядком нагадившем в ее собственной жизни. В том, что Суслик бездельничает дома, Дуся не сомневалась. По отношению к Суслику сомневаться можно было лишь в том, что в скором времени он сумеет обеспечить хотя бы себя самого, не говоря уже о жене и ребенке.

2

В ожидании троллейбуса Дуся нервно мерила шагами длину остановки, прикидывая, с чего начнет разбирательство со ставшими ей сейчас ненавистными сусликами. Светкино признание – это полдела. Неизвестно еще, что сам папаша запоет. Какой-то он непонятный, этот Андрей – ни рыба ни мясо. Как он только умудрился задурить мозги ее веселой жизнерадостной девочке? В том, что Машка во всем обвинит ее дочь, Дуся тоже не сомневалась. Эта неудачница-медсестра, с трех раз не поступившая в медицинститут, спала и видела, что ее любимчик – эта каланча безбашенная – станет-таки в этом году воплощением ее мечты. Знала бы она, куда он воплотился...

Солнце слепило глаза, ветер припудривал пылью и без того бедную Дусину голову. Мрачный взгляд ее смерил болтающую по мобильнику размалеванную девицу, заинтересовано прошелся по импозантному мужчине и остановился на бабке, цепко держащей за руку непоседливого внука. Снова вспомнив о Светке, Дуся застонала, как от зубной боли. На лице импозантного мужчины промелькнуло сочувствие. Бабуля подозрительно покосилась на Дусю. Размалеванная девица продолжала болтать по телефону. Может, в другой раз Дуся и одарила бы понравившегося мужчину благодарным взглядом, но тут подъехал троллейбус.

Двери открылись, и перед ней появилась собственной персоной Суслик младший. Погруженный в свои мысли, он спрыгнул на тротуар и направился к зданию больницы, мирно пощипывая травку, для большего эффекта завернутую в целлофан. Повернувшись вслед ненавистному вредителю, Дуся заметила в букете среди жидкой зелени три алые розы. Впившись взглядом в эти розы, как бык в красную тряпку, она бросилась за Андреем. В два счета настигнув его, она цепко схватила его за руку.

– Здравствуй, Андрей, – запыхавшись, глядя на него снизу вверх, сказала она.

Андрей спокойно ответил ей с высоты своего внушительного роста:

– И вам не хворать.

Видя, что Суслик бежать не собирается, Дуся ослабила хватку.

– Кому цветочки? – кивком указав на букет, спросила Дуся, буравя его острым взглядом.

– Светке, кому же, – смутившись, пожал плечами Андрей.

– Так, – снова овладев ситуацией, подбоченилась Дуся. – Цветочки, значит, – продолжала она, грудью напирая на опешившего Андрея. Но сейчас ей не было никакого дела до чужих чувств, со своими справиться бы. – Цветочками решил отделаться. А ягодки прикажешь нам собирать?

Андрей оглянулся по сторонам.

– Теть Дусь, вы чего? – отступая, продолжал он гипнотизировать ее недоуменным взглядом.

– Я-то ничего, – подойдя к нему вплотную, продолжала Дуся. – Я-то, как раз, ничего. А вот ты, что? – не мигая, уставилась она на Андрея, пытаясь выдавить из него чистосердечное признание.

– Что, – развел руками Андрей. – Скоро мамой вас называть буду.

Дуся скривилась, словно съела лимон.

– Слушай, сынок, – тихим вьедливым тоном продолжала она, – ты никак и переехать ко мне собираешься в качестве нового родственника? Видно, мамаша тебе нашептала? Не получится, – помахала она пальцем перед его носом.

– При чем здесь мать? – снова на полшага отступил Андрей. – Ей вообще сейчас не до этого.

– Ах, да! – сплеснула руками Дуся. – Как же это я позабыла? Она же полгода профессорские пороги обивала, чтобы из тебя доктора сделать.

Андрей насмешливо ухмыльнулся.

– Профессора, тетя Дусь, тоже болеют. Сделать человеку укол и обивать пороги – это, как говорится, две большие разницы. Вы-то здесь каким боком?

Хмыкнув, Дуся покачала головой.

– Тем самым, – сорвала она с его лица улыбку. – Зря старалась. Профессорше всю задницу исколола, а ее балбес к соседской девчонке полез в доктора играть.

Андрей неловко пожал плечами.

– Что-нибудь придумаем, – с виноватым видом ответил он.

Дуся хлопнула в ладоши.

– Час от часу не легче! – с отчаянием крикнула она. – Он придумает... Нет, ты скажи мне, – она снова начала свое наступательное движение, – что ты можешь придумать, неопределенное существо?

– Неопределившееся, – поглядывая по сторонам, Андрей попытался перевести разговор в шутку.

– Какое там! – настаивала на своем Дуся. – Сам ты очень даже шустро определился. Теперь тебя еще определить надо, чтобы было же за что кормить плоды твоего определения. А куда тебя определить? У тебя же ни образования, ни положения в обществе.

– Теть Дусь, – теряя терпение, перебил ее Андрей, – чего-то вы не в ту степь полезли. Сами-то вы тоже в коммуналку не на мерседесе из Монте-Карло прикатили. Ребенка признаю, на Светке женюсь. Чего еще? – теперь он, не обращая внимания на посторонних, пошел на Дусю. – Никто к вам переезжать не собирается. Живут люди, и мы как-нибудь обойдемся без вашей помощи. Сами не лезли бы только, – напоследок выпалил он ей в лицо и пошел своей дорогой.

Эти слова вмиг осадили ее боевой настрой. Она сдавила пальцами виски. Как-то слишком быстро все завертелось, начиная с сегодняшнего утра, когда Светку забрала скорая. Сначала огорошили ее тем, что котенок ее рыженький, оказывается, уже и не котенок вовсе, а беременная кошка. Теперь котяра этот... И у них, оказывается, любовь. Как же она проглядела-то?...

Дуся снова посмотрела на часы, прикидывая, успеет ли к Машке в больницу, находившуюся через два квартала. Но, вспомнив, что вчера вечером из соседской комнаты доносились Машкины рыдания, а сегодня сутра на кухне появился Суслик старший с пластырем на лбу, Дуся решила, что не стоит открывать Машке правду жизни на ее рабочем месте. Работает она с больным контингентом, а почему посторонние люди должны страдать от их междоусобиц? Знала она также, что после разговора с Машкой у нее самой никаких сил не хватит на свой контингент, тоже не отличающийся спокойным нравом.

«Теперь-то уж, куда спешить, – высматривая свой троллейбус, думала Дуся, – родить ей не завтра. Понемногу все утрясется. Андрюшка, ишь, каким петухом оказался! Может, Светке еще и повезет с ним».

Подъехал троллейбус. Дуся вошла и, сев у окна, взглянула на здание больницы. Сердце снова зануло. Всем своим естеством она ощущала, как что-то изменилось сегодня, что-то безвозвратно исчезло из ее жизни. Но ни перед кем в мире она не рискнула бы обнажить боль, тупо ковыряющую в душе оттого, что в соседской семье скоро появятся еще два суслика, а она, Дуся Нечаева, теперь останется одна одинешенька, может, до конца своей жизни.

3

Долгие два часа Андрей дожидался окончания рабочего дня медперсонала больницы. Потом Светка, выглянув из окна палаты, сказала ему идти к служебному входу, куда в скором времени и сама спустилась.

Стоило ему оказаться с ней наедине, как Андрей впервые почувствовал непонятную неловкость. Вроде рядом стояла все та же Светка и, вместе с тем, появилось в ней что-то чужое. Теперь вот так сходу уже нельзя было обнять ее и притянуть к себе. Целоваться тоже неудобно было. Этот детский период они давно прошли, а как вести себя во взрослой жизни, еще не знали.

– Ну, че? – спросил Андрей, протягивая Светке цветы.

– Ты, че? – с удивлением уставилась она на букет. – Что я с ними делать буду? Мне их здесь даже поставить негде.

Андрею стало обидно. Он так старательно выбирал свой первый в жизни букет, надеясь, что Светка поймет его чувства без банальных фраз. Но после Светкиных слов цветы вдруг потеряли свою значимость, и он стоял с этим венчиком в руке, не зная, как от него избавиться.

Он и сам толком не понимал еще, как относится к Светке, как ее воспринимает, то есть. Вместе росли с малых лет, играли. Все изменилось само собой, когда он заметил, как в озорной соседской девчонке появилось что-то новое, неуловимое. Время, словно умелый мастер, лепило ее ладную фигурку, постепенно превращая ее в хорошенькую Дюймовочку. Сама Светка была о своем малом росте невысокого мнения, потому и выбрала себе броское прозвище – Рыжая Кошка, изо всех сил пытаясь подражать этому образу. Друзья одобрили, а сам он наедине с ней называл ее Дюймовочкой, потому что был старше на два года и был гораздо выше ростом. Светке это нравилось. Им обоим нравилось играть в сказку. Даже когда Светка сказала ему: – «Кажется, я залетела», – они и тогда еще восприняли это как некое продолжение сказки. А вот сегодня утром оказалось, что это была настоящая жизнь. И этот подтвердившийся факт поставил все в их жизни с ног на голову. Были бы оба умнее, поняли бы, что расставил-то он как раз все по своим местам. Но жизни довольно и собственной мудрости – не одного уму-разуму учила, и этих научит.

– Что врачи говорят? – проглотив обиду, спросил он.

Светка потупила взгляд.

– Кончилась моя веселая жизнь, – со вздохом ответила она и провела рукой по животу.

Андрей понимающе кивнул. Какое-то время оба неловко молчали. Андрей снова первым нарушил тишину:

– Я с мамашей твоей на остановке столкнулся, – нервно теребя кончиками пальцев целлофан, ухмыльнулся он.

– И что? – напряженно спросила Светка.

– Живой, как видишь, – снова ухмыльнулся Андрей.

Но Светку явно не удовлетворил такой ответ.

– Я серьезно спрашиваю.

– Да что она может сказать? – пожал плечами Андрей с недовольным видом. – Зять такой ее не устраивает...

Светка взяла Андрея под руку и потерлась щекой о его плечо.

– Не парься, я ее знаю. Че сегодня делать будешь? – потянулся к нему ее вопрошающий взгляд.

Андрей пожал плечами.

– С пацанами пива выпьем...

– А с родаками, – осторожно поднажала Светка, – когда скажешь?

- Сегодня не получится, – покачал головой Андрей. – У матери с отцом терки какие-то.
– Че так? – спросила Светка, пытаясь скрыть чувство нарастающей тревоги.
– У них поймешь? – раздраженно бросил Андрей. – Не хочу масла в огонь подливать.

Светка совсем приуныла. «Получается, мать опасалась не зря, – впервые царапнуло закравшееся в душу сомнение, – терки у его родяков, видите ли... Сегодня терки, завтра еще что-нибудь придумает».

– Права была мать, – заговорила в ней обида, – как кататься, так мы первые, а как саночки возить, так и сама не надорвешься.

Вот только Андрей ее обиды не разделял. Ему самому обидно было, что Светка так быстро перешла на сторону матери, не задумываясь о том, что на его бедную голову-то все как раз и свалилось. А не свалилось, так свалится, какая разница? Поступление в этом году накрылось, ежу понятно. Теперь как хочешь, так с матерью и разбирайся, ведь полгода она не только профессорскую задницу колола, но и по ползарплаты отцовской туда таскала. Полгода и жили на ее зарплату да на деньги от исколотых чужих задниц. Квартиру тоже подыскивать самому надо, так как будущая теща уже сегодня показала свой змеиный нрав. Да и вкалывать придется теперь сутра до ночи, чтобы все это обеспечить. Веселенькая перспективка получается. И вместо понимания он должен стоять здесь и выслушивать Светкино фырканье.

– Да ты и сама, как твоя мать, – ответил он, задетый за живое. – Все вам в один день подавай – и квартиру, и зарплату, и положение в обществе.

Не веря своим ушам, Светка вскинула к нему кажущиеся сейчас огромными на бледном личике зеленые глаза.

Сколько страха и боли довелось натерпеться ей в этот день. И деликатная вежливость врача, и упреки матери, и любопытные взгляды соседок по палате попеременно с их рассказами о патологии и детях-уроках – все это разом душило Светку в куцем четырехместном пространстве. Казалось, этот день раз и навсегда отрезал ее от привычного мира, игривого лета, от любимого Андрюшки. Да-да... именно сегодня она впервые почувствовала, что только с Андрюшкой сможет передвигаться в этом пугающем ее будущем, в котором она ощущала себя сейчас беспомощным слепым котенком. Друзья и подружки теперь были не в счет, они оставались детьми, продолжающими играть во взрослые игры в своей привычной детской жизни. Их же с Андрюшкой объединял сейчас общий ребенок, пусть еще не родившийся, невидимый даже, но сегодня впервые заявивший о своих правах на жизнь. Потому и ждала она долгие два часа, когда уйдет ее лечащий врач, строго настроившая Светке вставать. Она так ждала его, чтобы впустить в свою новую жизнь, только вот незадача, сам он туда, как оказалось, не очень-то и рвался. Правильно, чего ждать от такого?

– А ты... ты! – взорвался в ней дождавшийся своего часа страх. – Ты – как твой отец. Такой же суслик! Цветочки он принес! – выкрикнула она ему в лицо. – Мне, может, встать нельзя... Я, может, чтоб тебя увидеть,... – брызнула ядом Светкина обида. – Другим мужья фрукты приносят, а ты масла в огонь подлить боишься. Вот принесу вам в подоле, и гори оно все огнем! – в сердцах крикнула Светка и, обойдя его, быстро поднялась по ступенькам.

– Светка! – не успев прийти в себя, крикнул ей вдогонку Андрей.

– И никакая я тебе не Светка! – донеслось до него сверху. Потом резко хлопнула дверь, и все стихло.

Андрей замер, зачем-то продолжая смотреть на эти злосчастные ступеньки. Переведя взгляд на букет, он выругался и швырнул его под лестницу. Стало немного легче.

4

Дыша вечерней прохладой, летние сумерки наполнили город розовым светом. Суевливая толпа растворялась в мелодии вечернего города.

Андрей бесцельно брел по улицам, задевая спешащих прохожих, машинально опускаясь в подземные переходы, останавливаясь на красный глазок светофора.

Возле клуба, где вчера отмечали с друзьями Светкино вступление во взрослую жизнь, он лоб в лоб столкнулся с Кузей – бывшим одноклассником Витькой Кузьминым. Тот хлопнул Андрея по плечу.

– Суслик, привет! Че нос повесил? После вчерашнего головка бо-бо? – добродушно подмигнул он.

Андрей отмахнулся.

– Проехали вчерашнее, – выдавил он из себя, – сегодняшнее достало.

– Проблемы? – снова хлопнул его по плечу Кузя. Была у него такая дурацкая привычка. – «Колеса» подкатим, и фиговое сегодня плавно перейдет в радужное завтра.

– Н-нет, ... – нерешительно произнес Андрей, раздумывая, не кайфнуть ли в самом деле и не послать всех куда подальше.

Кузя не настаивал.

– Документы сдал? – тотчас переменял он тему.

– Нет, – мрачно ответил Андрей. – Светка залетела, так что накрылся институт медным тазом.

– Че так сразу? – искренне удивился Кузя. – Степуху получишь, родаки подбросят. Перебьетесь.

Андрей окинул Кузю раздраженным взглядом.

– Ты сам-то пробовал? – спросил он, не разделяя Кузино оптимизма.

Неизвестно, чем бы закончился их разговор, если бы не высыпавшая на тротуар из припаркованной иномарки компания. Стало шумно, веселые приветствия то и дело перемежывались с подначками и шутками. Все дружной толпой двинулись к клубу на отходняк.

Атмосфера здесь была привычная – все тот же полумрак, те же разноцветные шары под потолком, все та же дико ревущая музыка, вполне довольные жизнью знакомые лица.

Лишь Андрей сегодня чувствовал себя здесь не в своей тарелке. Банка пива подпортила и без того испорченное настроение, разбередив дремавшее в нем чувство раздражения и зависти. Гремучая смесь этих чувств породила в нем озлобленность. Потягивая пиво, нехотя односложно отвечая на вопросы, он между тем исподлобья поглядывал на своих в доску ребят, не сделавших ему ничего плохого, с каждым из которых еще вчера он мог решать любые проблемы. И что оказалось? Один-единственный день развеял его иллюзии о любви, дружбе и прочей фигне. Он, конечно, не сомневался, что друзья и сейчас подкинули бы пару-тройку советов, может, спонсорули бы, кто сколько мог. Но понимал он также, что, очистив таким образом совесть, они продолжали бы оставаться в привычной для них комфортной жизни, наслаждаясь ей по праву молодости. Но уже без него. В этом не было ничьей вины, как и в том, что жизнь одним днем разделила их по разные стороны. И в этой компании отныне ему места нет, понимал Андрей. Это-то понимание и вызывало в нем озлобленность. Ему все еще хотелось укрыться в уютном тепле привычной жизни. Холод неизвестности пугал его. Чтобы не расстраиваться еще больше, он не стал задерживаться, чем вызвал немалое удивление остальных. Впрочем, непродолжительное удивление. И эта, казалось бы, незначительная деталь тоже задела Андрея.

Выйдя из клуба, он вдруг остро ощутил, как ему недостает Светки. Так получилось, что его собственная боль звучала в унисон с ее болью, подавив в нем тем самым чувство обиды.

Не раздумывая, он набрал ее номер. Знакомый голос с нотками неуверенности и робости вызвал в нем что-то теплое, доброе, тотчас вырвавшееся наружу одним коротким вопросом:

– Свет, ты как?

Воистину, непостижимы созданные Богом невидимые человеческие души... Это человеческому уму важна суть произносимых слов. Недаром говорят – язык без костей, вот и молотит без устали. Только орган в человеческом теле он весьма ненадежный. Иногда он и так и сяк умасливает, а душа, что твой Станиславский. «Не верю», – говорит. И все.

А иногда и такого вот простого, казалось бы, короткого вопроса ей достаточно, чтобы понять всю силу кроющихся в нем чувств. Главное, чтобы чувства были настоящими, а не фальшивыми. Душа это сходу просекает.

Поэтому и в Светкиной душе отозвались такие же.

– Я... ничего, – тихо ответила она.

И в этом коротком ответе Андрей уловил столько нежности, что слова сами собой спрыгнули с языка:

– Ты... прости меня, ладно? – тихо сказал он, совершенно не понимая, за что просит прощения.

В ответ, как солнечные лучики сквозь грозовые облака, знакомыми нотками брызнул задорный Светкин смех.

– Завтра придешь? – тревога, как одинокая тучка на проясневшем небе все-таки бередила ее сердечко.

– А то, ... – разбуженное Светкиными чувствами, промурлыкало в нем чувство собственного достоинства и перед тем как окончательно утвердиться, принялось потягиваться, словно ленивая кошка. – Тебе какие фрукты можно? – возвращая себе силу, как коготками, упиралось оно в Светкину душу своим вниманием.

Не больно упиралось, Светке даже приятно было. Не так от коготков, как от внимания.

– Да я просто так сказала, – окончательно вернув своей натуре легкость, добродушно ответила Светка, прекрасно зная, что все свои небольшие сбережения он истратил на вчерашнюю вечеринку. Замявшись, она все же добавила: – Я цветы твои в банку поставила. Они пахнут так здорово. Всем нравится, – тихо обронила она с горьковатым привкусом вина.

Казалось бы, куда уж больше? Ан нет! Обласканное Светкиными словами, его чувство собственного достоинства, тотчас забыв о кошачьих повадках, вспомнило о своей птичьей натуре и залилось соловьиными трелями.

– Дюймовочка, я люблю тебя, – еле слышно пропел он в трубку.

В ответ ему донеслось такое же тихое и невыразимо прекрасное:

– Я тебя тоже...

Ну, что такого прекрасного было в этих коротких словах? Это уму непонятно было. А душа-то все понимала и, наполнившись до краев прекрасной мелодией любви, отключилась. Отключилась и опустилась с заоблачной высоты на грешную землю.

Спрятав мобильник, Андрей оглянулся, не слышал ли кто-нибудь его воркования. Друзья и без того поддевали его, называя влюбленным пингином. Это Светкина душа, поющая в унисон с его душой, правильно все понимала. Но стоило ему мысленно попытаться влиться в привычный ритм их тусовки, как он сам себе стал казаться глупым влюбленным пингином. Как ни странно, за весь день он так ни разу не попытался представить себя лишь в роли будущего отца.

5

Не спеша он направился к дому, собираясь войти в подъезд с черного хода. Как шутили сами жильцы, здание, в котором они вели «коммунальный образ жизни», было построено еще при царе Горохе. Если и не при Горохе, так при царском режиме, точно. И имелось у него два входа. Парадный – для господ, черный – для слуг.

Революция, как известно, всех уравнила, сделав из тех, кто был ничем, какого-то загадочного «всем». Вряд ли кто-нибудь из жильцов послереволюционного времени пытался разгадать смысл этого слова, довольствуясь уж тем, что мог жить в комнатах, где раньше жили господа, и входить с какого угодно входа: с парадного и с черного. Так как времена были трудные, жильцам было не до подобных размышлений. К тому же для этого нового типа «господ», живущих не намного лучше бывших господских слуг, быстро придумали новое название – товарищи. Но, опять же, времена были трудные. Время понемногу менялось, менялись и ожидающие расселения жильцы в коммунальной квартире. А два входа так и остались и назывались по-прежнему – парадный и черный.

Когда Андрей спешил или хотел проскользнуть незамеченным, лучше всего было входить с парадного входа, то есть, с улицы. Когда же хотелось подольше задержаться во дворе, лучше было идти к черному входу. Он любил свой двор. Там прошло его детство, можно было встретить знакомых, собиравшихся по вечерам в беседке. Даже старушки, в теплое время года плотно заполнявшие скамейки, не были им помехой, так как двор был засажен кустами сирени и жасмина, ставшими для жильцов со временем настоящей головной болью. В прямом и в переносном смысле.

Меньше всего Андрей мог ожидать, что когда-нибудь за одним из этих кустов откроется ему тайна, о существовании которой он даже не предполагал.

Услышав из-за цветущего куста жасмина голос матери, Андрей остановился. Собственно, остановился он не так от самого голоса, как от поразительной схожести с ним. Оглянувшись, Андрей только сейчас заметил, как сгустились вечерние сумерки. Старушки со скамеек перекочевали к экранам телевизоров. В беседке было оживленно, но за этим кустом он мог спокойно оставаться незамеченным. Вот только на сердце было отнюдь не спокойно. Наоборот, стало еще тревожнее, когда послышался голос отца.

– Нора, столько времени прошло. Ничего уже не изменить, – своим привычным тоном говорил отец. Но говорил приглушено, и в тоне его улавливалась тревога.

– Разве я похожа на идиотку? – с чувством горечи ответили похожим женским голосом.

– Я тебя сейчас ничем не обидел, – ответил отец все тем же тоном.

– Тогда с чего ты взял, что я через восемнадцать лет захочу что-то менять?

– Незачем ворошить прошлое. Пожалей Машу.

– Нашей Маше хуже всех, – тихо вздохнув, произнесли похожим голосом.

– Считаешь, узнав правду, Андрей проникнется к тебе любовью или жалостью? Да он о тебе толком-то ничего и не знает.

– Вот я и хочу, чтобы узнал, – все так же спокойно, но твердо отвечал похожий голос. – А любовь и жалость можешь оставить себе. Я это уже проходила.

– Но... скажи, зачем тебе это?

– Зачем? – непоколебимый голос превратился в стальной. —

– Зачем тебе называться отцом, а ей – матерью?

– Потому что он наш сын. Это, в конце концов, естественно.

– Так и я ему нечужая, Суслик.

– Зачем ты так?

– Как?

– Какой я суслик?

Послышался нервный смешок. Непродолжительное молчание. Потом похожий голос прозвучал виновато тихо:

– Не обижайся. Я привыкла мысленно называть тебя так, потому что когда предает суслик, не так больно, чем, когда тебя предает муж, у которого есть имя, отчество и фамилия.

– Прости, Нора. Если бы ты знала, как я раскаивался, как мучился все эти годы.

– Лучше бы ты потратил свои усилия на благоустройство жизни. Столько лет прошло, а все то же, – с нотками горечи сказал похожий голос. – Зачем мне ваше раскаяние, когда вы вычеркнули меня из жизни? Я хочу видеть своего племянника.

– Зачем? – требовательнее прозвучал голос отца. – Да я понятия не имею даже, как тебя ему представить.

– Тенью отца Гамлета, – рассмеялся похожий голос и уже серьезно добавил, – вот мой адрес, передай, что я его жду.

Не успел Андрей опомниться, как послышались удаляющиеся шаги. Шаги удалялись, а он стоял за кустом как вкопанный, не понимая, на самом деле он слышал все это, или ему почудилось, до такой степени неправдоподобной казалась вся эта ситуация. Он знал, что у матери была сестра, и слышал не раз, как в разговоре с соседями мать с отцом нехотя упоминали о ней. Из-за нее-то и возникла ссора между родителями и бабкой с дедом. Он не вмешивался во взрослые дела, к тому же интересов у него хватало и помимо родни, которую он ни разу в жизни не видел. Живут себе где-то и ладно. Он им не мешал, они ему тоже. Он даже не знал, как зовут-то ее, эту сестру. Одно слово – тетка.

Заметив, что отец пошел домой, Андрей выждал немного и пошел следом. Если бы не вся эта кутерьма, можно было бы рассчитывать на относительно спокойный вечер, так как кроме дурковатого Гнома – Игната Ефремовича, семейства Суслиных и Нечаевых в квартире никого не было. Одну комнату купил моряк дальнего плавания. Неизвестно, как далеко он плавал, но за полгода ни разу не объявился. Пожилая чета Корнеевых вместе с внуками все лето проводили на даче. Склочную старушенцию бабу Клаву с верными признаками старческого склероза дети забрали от греха подальше к себе. Как ей там жилось, никто не интересовался. Переживали больше, как бы ее обратно не вернули. Именно с ее-то легкой руки и пристало это прозвище к Игнату Ефремовичу, бывшему преподавателю философии в университете, одинокому чудаковатому старику, за его небольшой рост и пристрастие сводить любой разговор к размышлению о жизни. С точки зрения бабы Клавы это и было верным признаком дурости, так как проку от таких размышлений ни в хозяйстве, ни в самой жизни не было ровно никакого.

Пройдя по длинному коридору, Андрей в нерешительности остановился перед своей комнатой. Поразмыслив, он повернул к кухне и увидел Гнома, колдующего у плиты. Гном тоже заметил его.

– Андрушка поберушка пожаловал! – радостно воскликнул Гном, не отрываясь от кастрюльки с варевом.

Так он дразнил Андрея с детства за то, что тот постоянно что-нибудь у него кланчил. В детстве, когда болел или заняться ему было нечем, Андрей частенько захаживал в гости к Гному. Всякий раз при этом было такое ощущение, что попадал в музей. Причем, с каждой вещицей Гнома связывала отдельная история, и рассказывать об этом он мог без усталости. Кроме Андрея не было желающих слушать эти рассказы, потому Гном всегда был рад мальчику.

– Добрый вечер, – безрадостно ответил Андрей, уловив аппетитный запах сушеных грибов, пробудивший в нем чувство голода. К себе идти не хотелось.

Очевидно, все немудреные чувства были сейчас написаны у него на лице, так как Гном тотчас услужливо предложил:

– Не составишь мне компанию? Супец у меня сегодня классный получился, из мухоморов.

Пропустив мимо ушей глупую шутку, Андрей кивнул и достал из холодильника пол палки колбасы. Как-то так у них с Гномом повелось – принимать угощение со своим приложением. Им, постоянно занятым, тарелка супа по вечерам была как нельзя кстати, а бедному пенсионеру Гному не лишним был кусок колбасы или парочка котлет. Все привыкли к этому и воспринимали как должное.

Сев за стол, Андрей с тоской смотрел, как Гном бережно разливал по тарелкам суп, нарезал колбасу и хлеб. Настроение было такое, что кусок в горло не шел.

Едва утолив голод, он не выдержал и, кивнув в сторону своей комнаты, спросил:

– Игнат Ефремович, что там у моих стряслось?

Гном развел руками.

– Твоя мать из пустяка трагедию раздует. Было бы желание.

– Из чего в этот раз? – не сводя пытливого взгляда с Гнома, спросил Андрей.

Гном продолжал хлебать свой суп. Андрей молча ждал.

Наконец не выдержал и Гном.

– Чего ты от меня хочешь? – оглядываясь, тихо спросил он. – Я же не коврик, чтобы под вашей дверью торчать? Это старая ведьма Клавка все про всех знала. Что-то там отец невпопад сказал вчера, когда мать ужин готовила. А она, сам знаешь, на расправу быстрая, вот и угодила половником ему по лбу.

Но это объяснение показалось Андрею неубедительным. Он нутром чувствовал, что Гном чего-то недоговаривает, поэтому продолжал гипнотизировать его немигающим взглядом. Гном был явно не расположен к откровенности.

Андрей решил разговорить его сам.

– Скажите, вы о тетке моей слышали?

Гном смешно вытянул шею.

– О Норе, что ли?

– Да, – с чувством нарастающей тревоги коротко ответил Андрей.

– Так, что мне слышать? Они с Машей, мамкой твоей, выросли у меня на глазах. Я, помнится, называл одну Норкой, а другую Мышкой. Они всегда смеялись.

– А потом? – не отставал от Гнома Андрей.

– Уехала она потом. Ты суп-то ешь, не то остынет, – как обычно в таких случаях, Гном прикинулся дурачком.

– А дед с бабулей? – не унимался Андрей. – Они, значит, тоже здесь жили?

– А как же, – подрезая колбасу, кивнул Гном. – Но они тоже уехали в деревню к деду твоему. А комнату вам оставили.

– Странно как-то, – глядя в тарелку, продолжал Андрей, – все куда-то разъехались, а я до сих пор ничего не знаю.

– В жизни всяко бывает, – хлебая суп, кивал Гном. – Живешь с человеком, кажется – роднее него никого нет на белом свете. А потом разъезжаются кто куда, и приходится на старости лет с чужими людьми делить тарелку супа с колбасой...

– Игнат Ефремович, – перебил его расстроенный Андрей.

Тут он заметил открытое окно, под которым и находился тот злосчастный куст, за которым он сегодня подслушивал разговор отца с теткой. И слова, готовые было сорваться с губ, растворились в его сознании. Вместо них слетели с губ другие:

– Вы же видели нас сегодня, – не сводя с Гнома упрямого взгляда, спросил он и добавил, указывая кивком на открытое окно: – И все слышали?

– И видел, и слышал, – снова как ни в чем не бывало согласился Гном.

– Так что вы все вокруг да около, – смерив старика недовольным взглядом, словно камнем, бросил в него Андрей.

Старик даже поежился. Не так от слов, как от самого тона. Но Андрею было не до церемоний. Будучи уличенным в гаденьком поступке, в нем тотчас расправило иглы оскорбленное чувство собственного достоинства. Оно и понятно, кому понравится, когда под ним зашатается трон? Вот и пыталось оно теперь защищаться от посягательств хитрого старика. Но по-мужски пока не получалось, что еще больше расстроило Андрея.

– Сами-то вы, чем лучше меня? – исподлобья глядя на Гнома, по-детски обидчиво бросил он.

Гном только ухмыльнулся.

– Я и не обвиняю тебя ни в чем, – по-дружески похлопал он парня по плечу и добродушно добавил, – ты честный мальчик.

– С чего вы взяли? – все с той же детской непосредственностью продолжал Андрей.

– Другой бы на твоём месте юлить да оправдываться начал, а ты честно сказал.

– Что сказал? – растерялся Андрей.

– Признал, что твой поступок неважно попахивает, да и мой тоже, – рассмеялся Гном. – Но я, как видишь, ничего и не отрицаю. Такова уж человеческая натура.

– Не в этом дело, – перебил старика Андрей. Чувство собственного достоинства, восстановив свое пошатнувшееся положение, спрятало иглы и снова стало белым и пушистым. – В чем мои виноваты перед теткой этой?

Веселая маска вмиг слетела с морщинистого лица, взгляд его наполнился тоской. Не спешил он отвечать Андрею, но, видя, что для парня это отнюдь не праздный вопрос, развел руками.

– Виновата жизнь, пожалуй. Иногда она ставит перед людьми неразрешимые задачи, а потом их же за это и наказывает.

– Вы так и не ответили, – видя, что старик, как обычно в щекотливой ситуации, ударился в раздумье, продолжал настаивать Андрей.

Задумался Гном. Крепко задумался. Андрею даже показалось, что он уж совсем позабыл о нем, но тут он поднял слезящиеся, словно выцветшие от времени глаза и решительно сказал:

– А знаешь, я, пожалуй, расскажу тебе, иначе правды ты так никогда и не добьешься.

Он встал из-за стола и, убрав посуду, поманил Андрея рукой к открытому окну. Андрей уселся на подоконнике и, пока Гном прикуривал сигарету, смотрел на освещенные окна в соседних домах. Снаружи доносилась приятная свежесть и аромат жасмина. На черном бархате неба подрагивало золото далеких звезд. Андрею впервые за весь день стало на душе спокойно. Свежий ветер обвевал лицо, увлекая его воображение за границы этого двора в неведомые города и страны. Еще недавно кажущиеся огромными, его собственные проблемы вдруг утратили свою значимость, поблекли на фоне огромного мира. Прикрыв глаза, он сидел бы так неизвестно сколько, если бы не Гном.

– Раз уж Нора здесь объявилась, – продолжил он, с удовольствием затягиваясь сигаретой, – теперь покоя не жди. Она не отступится, пока своего не добьется. А у каждого из них своя правда.

Гном, очевидно, также очарованный вечерней красотой, замер рядом с Андреем. Андрей впервые с удивлением обнаружил, что острота восприятия окружающего мира удваивается, если рядом просто хороший человек. Наконец, докурив, Гном высморкался в мятый носовой платок. Протерев слезящиеся глаза, он спрятал платок в карман засаленной жилетки и продолжил:

– Нора лет на пять старше твоей матери, если не ошибаюсь, или около того. Знаешь, как в жизни бывает, младшие обычно завидуют старшим. Да Нора и бойчее была, и задиристее. С норовом девка, одно слово. А мать твоя и вправду была как мышка – тихая, незаметная. Нора с Кириллом, отцом твоим, долго встречались. А когда сосед их Павел Викторович слег, поженились. Как он помер, так им комнату-то его и дали. Потом Василий Тихонович и Анна

Петровна, дед с бабкой твои, решили в деревню поближе к дедовой родне переехать. Ведьма эта, Клавка, хоть и язва, но в жизни толк знала. Она-то первая им и сказала, что сперва младшую замуж надо выдать, иначе от переездов этих одна беда получится. И как в воду глядела. Все над ее словами тогда посмеялись, а когда беда случилась, так ее же во всем и обвинили, будто она им наколдовала чего-то. Не зря говорят – два соловья на одной ветке не поют, – вздохнул Гном. – Где-то с полгода жили они так втроем. Вроде мирно жили. Всегда вместе, как одна семья. Кирилл с Норой работали уже, а Маша училась в медучилище. А потом непонятки у них начались. То одна плачет, то другая. Кирилл мрачнее тучи ходит. И вдруг как гром среди ясного неба – выясняется, что Маша ждет ребенка от Кирилла. Соседи тогда на Машу косо смотрели, а Нору жалели. Но, жалеи не жалеи, а чужое дело – сторона. Перераспределили девчата между собой мужа. По закону. А как по совести им было дальше жить? Нора отделилась, замкнулась в себе, даже с соседями перестала разговаривать. Ее и не трогали. К тому времени, когда ты родился, о старых делах успели подзабыть. За тебя все больше переживали. А пришла беда, откуда не ждали. Мамка твоя попала в больницу с тяжелым отравлением какими-то химикатами. Бабка с дедом приехали, тебя забрали. Кто первый на подозрении? Нора, будто каменная стала. Как-то дело замаяли, но после этого Нора сразу же уехала, и до сих пор о ней никто ничего не слышал. Анна Петровна и Василий Тихонович тоже с тех пор сюда – ни ногой. Соседи между собой по-разному судачили. Одни жалели Машу, а другие говорили – раз уж она мужа у сестры увести не побоялась, так и это могла запросто подстроить, чтобы от сестры раз и навсегда избавиться. Маша, видно, рассчитывала, что комната за ними останется. А вселили Дусю Нечаеву. Здесь отдельная история началась, – закончил Гном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.